

зала 20
шкафъ 83
полка 5
№ 48

703

ВИКТОРЪ БАРТЕНЕВЪ.

НА КРАЙНЕМЪ СЪВЕРО-ЗАПАДЪ

СИБИРИ.

Рчерки Обдорскаго края.

4404
К

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія М. Ф. Шабкина, Иоскій пр., д. № 82.

1896.

вращающимъ вліяніямъ. Много вредитъ и то обстоятельство, что Остяки лишены какого-бы то ни было школьнаго образованія и воспитанія, а также мало видятъ гуманнаго къ себѣ отношенія. Замѣтимъ въ утѣшеніе себѣ, что и па всемъ земномъ шарѣ, а не только у насъ однихъ, миссіонерство есть дѣло въ высшей степени тяжелое.

X.

Обычаи Остяковъ. — Общественныя празднества. — Родъ. — Образъ. — Черты ихъ уголовного права: наказанія, очистительная присяга. — Профессоръ А. И. Якобій въ Обдорекѣ и его дѣятельность. — Сообщение «Русск. Вѣд.» о мѣрахъ принятыхъ въ помощь Остякамъ.

У Остяковъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя явленія, которыя можно объяснить остатками первобытнаго коммунизма. Разъ въ годъ — осенью, нѣсколько остяцкихъ родовъ (ватага по мѣстному русскому наименованію, абразъ — по Остяцки) собираются къ священному мѣсту для общаго празднества. Недалеко отъ Обдорска есть такое священное мѣсто. Туда собирается 7 родовъ и празднество продолжается 7 дней.

Каждый день одинъ родъ по очереди угощаетъ всѣхъ остальныхъ. Остяки ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ. У нихъ для этого построена особая юрта. На этихъ празднествахъ Остяки маскируются. Маски дѣлаются изъ бересты. Минъ передавали, что подъ копецъ попойки, всѣ участвующіе предаются „свальному грѣху“. Не знаю насколько это вѣрно.

На эти празднества очень трудно попасть; онѣ несомнѣнно имѣютъ религіозный характеръ.

Въ своихъ брачныхъ и наследственныхъ обычаяхъ,

Остяки строго придерживаются гентильнаго родства. Родство опредѣляется принадлежностью къ роду. Родственниками считаются члены рода, — абрасъ. Изъ названій нельзя вывести родоваго характера того союза, который Остяки называютъ, абрасъ. Большинство изъ этихъ названій представляютъ слова, ничего не означающія въ остяцкомъ языкѣ напр.: Яги, Пацдо, Тальчонъ. Хотя есть и такія родовыя прозванія, какъ Серае — хой (богатый человекъ). Личныя имена наоборотъ большею частью производны: Вуул — хой (большой человекъ *) Ай — пеньзаръ (маленькій барабанъ), Хуу — лентъ (запачканный), Ласъ — нингъ (свѣжняя женщина), Ерт — иги (дождевой старикъ), Шилингъ — (парный, близнецъ), Нем — ли (безъимянный), Павы (бѣлый), Иири (дѣдушка) и т. п.

Часто крещеные Остяки сохраняютъ свои языческія имена, даваемые обыкновенно по случаю какого-нибудь обстоятельства при рожденіи ребенка (напр. свѣгъ шель, дождь).

Браки возможны только между членами различныхъ родовъ. Эндогамическіе браки не допускаются.

Степени нашего кровнаго родства, а также свойства у Остяковъ почти не имѣютъ значенія, разъ только они не переходятъ границы даннаго рода. Такимъ образомъ единоутробные братья и сестра, хотя-бы и происходящіе отъ отцевъ, принадлежащихъ къ двумъ разнымъ родамъ — жениться не могутъ: здѣсь стало бытъ имѣть еще значеніе кровное родство. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ строго приводится агнотическое родство, а именно: отецъ съ сыномъ могутъ жениться на родныхъ сестрахъ. Пасынокъ можетъ жениться на мачихѣ.

*) Такое прозвище дали Остяки между прочимъ профессору Якобію, къ которому они вообще почувствовали большое уваженіе.

Отецъ можетъ передать сыну свою молодую жену. Два брата могутъ жениться на родныхъ сестрахъ. Если одинъ братъ женится на хорошей, здоровой женщинѣ, то стараются и для другого брата взять ея сестру, въ надеждѣ, что и та будетъ хорошая (порода значить такая). Младшій братъ можетъ взять жену старшаго брата, но обратно—нельзя *). Дядя можетъ жениться на племянницѣ.

Вдова можетъ выйти въ родъ своего мужа, но въ свой прежній родъ воротиться не можетъ.

Одинъ и тотъ-же мужчина можетъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ и т. д. Однимъ словомъ, обычай не признаетъ только тѣхъ браковъ, которые совершились-бы между членами одного и того-же рода, хотя за давностью лѣтъ, родственныя отношенія членовъ рода уже опредѣлены быть не могутъ.

По маловажнымъ преступленіямъ, гдѣ обѣ стороны—инородцы, Остяки и Самоѣды судятся по своимъ обычаямъ у своихъ старшинъ, которые часто бываютъ пристрастны и иногда берутъ взятки. Наказаніе обыкновенно замѣняется платой въ пользу обжеинаго.

За кражу взыскивается съ вора двойная или тройная стоимость похищеннаго. Въ прежнее время пеня была четверная. Сокращеніе пени, вѣроятно объясняется или обѣдненіемъ инородцевъ или учащеніемъ кражъ. Вѣднаго вора, съ котораго взять нечего—съкутъ. Большое значеніе имѣетъ очистительная присяга: она часто освобождаетъ обвиняемаго даже при наличности прямыхъ уликъ. Присяга состоитъ въ томъ, что обвиняемый кусаетъ медвѣжьё лапу, при чемъ говоритъ: «если я виновенъ, то пусть меня съѣстъ звѣрь».

*) Обязательнаго «уличества» или левирата однако не существуетъ.

Остяки, при личныхъ сношеніяхъ съ ними, производятъ очень хорошее впечатлѣніе—кроткаго, добраго и честнаго народа. Остяки довольно рѣдко воруютъ: остановившись въ остяцкой юртѣ, вы можете не опасаться за цѣлость вашего багажа. Остяки очень любятъ дѣтей: я лично никогда не видѣлъ, чтобы родители били своихъ ребятишекъ. Остяцкія дѣти никогда не бьютъ и не мучаютъ животныхъ, игры ихъ не имѣютъ въ себѣ ничего звѣрскаго и жестокаго. Иногда говорятъ о нѣкоторой половой распущенности Остяковъ; но распущенность эта не особенно велика и не представляетъ ничего особеннаго, сравнительно съ уровнемъ общечеловѣческой нравственности; да и объясняется она скорѣе чисто физиологическими причинами: Остяки отличаются довольно страстнымъ темпераментомъ, чѣмъ отличаются, кажется, отъ Самоѣдовъ.

Въ остяцкой юртѣ всегда чувствуешь себя какъ-то хорошо: гостепріимные хозяева рады угостить чѣмъ могутъ и поговорить о своихъ дѣлахъ. Сколько восторга возбуждаетъ въ дѣтяхъ какойнибудь кусокъ сахару или булки, который дашь этимъ замазаннымъ, растрепаннымъ, но милымъ и довѣрчивымъ мальчикамъ.

За послѣднее время, газеты часто сообщали извѣстія о поѣздкѣ заслуженнаго профессора Казанскаго Университета А. И. Яковія въ сѣверныя области Тобольской губерніи. Я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ нимъ въ прошломъ году въ Обдорскѣ и не могу удержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Съ цѣлью изслѣдовать на мѣстѣ, причины вымиранія инородцевъ, выяснитъ мѣры къ облегченію ихъ участи, а также и самому непосредственно

участвовать въ организаціи помощи инородцамъ, проф. Якобіи предпринялъ рядъ поѣздокъ въ Березовъ, Сургутъ, въ Обдорскъ и оттуда дальше къ Обской Губѣ, въ отдаленный Надымскій край. Преклонный возрастъ и слабое здоровье не помѣшали взяться за дѣло съ замѣчательной энергіей. Во веѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ сквозитъ горячая любовь къ дикарямъ, желаніе поднять ихъ и защитить.

Отношеніе стараго профессора къ Остякамъ, производитъ трогательное впечатлѣніе: бывало онъ заходилъ въ ихъ бѣдныя юрты, носилъ дѣтямъ игрушки, все осматривалъ, обо всемъ разспрашивалъ.—И Остяки очень полюбили этого добродушнаго, словоохотливаго, симпатичнаго старика. Въ остяцкой юртѣ, профессоръ какъ-бы олицетворялъ собою первый лучъ свѣта той могучей и далекой цивилизаціи, которая до сихъ поръ такъ мало добраго принесла дикарямъ.

Подобно веѣмъ дикарямъ, обдорскіе инородцы сталкивались преимущественно съ хищническими элементами—вообще съ оборотной стороной русской цивилизаціи. Въ лицѣ-же проф. Якобіа, они встрѣтили одного изъ представителей той идейной, гуманной и самоотверженной части русскаго общества, которая живетъ любовью къ родинѣ на основѣ общечеловѣческихъ идеаловъ. И Остяки по своему оцѣнили этого представителя русской интеллигенціи: они отнеслись къ нему съ довѣрчивою любовью и уваженіемъ и прозвали его: вууд—хой (больной человекъ).

Пламенный, чисто юношескій энтузіазмъ и горячій идеализмъ этого человека, минувшаго поколѣнія, идетъ рука объ руку съ трезвеннымъ отношеніемъ къ дѣлу и умѣемъ вѣрно оцѣнивать людей. Распрашивая Остяковъ, онъ выкалъ въ мель-

чайшія подробности, строя свои планы, онъ все взвѣшивалъ и рассчитывалъ.

Только ужъ слишкомъ много надеждъ возлагалъ старикъ на помощь нашего общества; да еще замѣчался одинъ недостатокъ: горячо преданный Остякамъ, онъ слишкомъ скептически и худо относился къ мѣстному русскому и зырянскому населенію и пренебрегалъ его интересами.

А между тѣмъ—именно это русско-зырянское населеніе дало профессору тѣхъ даровитыхъ и преданныхъ помощниковъ, безъ которыхъ ему-бы не собратъ никогда точныхъ свѣдѣній о краѣ, которые сопровождали его въ путешествіи и которые въ сущности только и могутъ быть хорошими исполнителями задуманныхъ плановъ.

Одна изъ главныхъ мѣръ, которую задумалъ А. И. Якобіи—это учрежденіе миссіонерскаго пункта съ культурными и образовательными задачами въ мѣстности, удаленной отъ вліянія русскихъ купцовъ и промышленниковъ.

Вліяніе это сказывается не только на Остякахъ, но и на самихъ миссіонерахъ. Загѣмъ, онъ мечтаетъ о томъ, чтобы правительство на сколько возможно, взяло-бы въ руки снабженіе инородцевъ необходимыми для нихъ товарами.

Въ № 208 „Русск. Вѣд.“ за 1895 г., я съ удовольствіемъ прочиталъ корреспонденцію изъ Тобольска, гдѣ сообщается о томъ, что проф. Якобіи прочиталъ еще въ Мартѣ двѣ публичныхъ лекціи объ Остякахъ.

«По окончаніи доклада проф. Якобіа», говорится въ корреспонденціи, „Начальникъ Тобольской губерніи Н. М. Богдановичъ, предѣдательствовавшій въ собраніи, гдѣ происходило чтеніе, сказалъ краткую рѣчь на ту тему, что благодаря энергіи профессора освѣщены темныя стороны жизни съ-

вера, и для того, чтобы профессоръ былъ увѣренъ, что его труды не пропали даромъ, что хоть часть изъ тѣхъ мѣръ, которыя предлагалъ профессоръ для улучшения положенія инородцевъ, будетъ исполнена, онъ лично даетъ обѣщаніе профессору, что тѣ мѣры, которыя въ его власти, будутъ проведены въ жизнь безъ канцелярскихъ проволочекъ, съ 1-го Января 1896 года, именно: запрещеніе ввоза спиртныхъ напитковъ, ограниченіе вѣзда Зырянъ, насколько это дозволяетъ законъ, и расширеніе дѣятельности казенныхъ магазиновъ снабженіемъ ихъ не только мукой, но и другими предметами, необходимыми для инородцевъ“.

XI.

Кругооборотъ обдорской жизни въ продолженіи года.—Замѣчанія о климатѣ.—Масляница въ Обдорскѣ.—Обдорская весна.—Бѣлыя ночи.—Начало рыболовнаго сезона «Вонзь идетъ!»—Прибытіе Тоболяковъ.—Рыбный промыселъ.—Тундра лѣтомъ и осенью.—Возвращеніе съ промысловъ.—Прибытіе пароходовъ.—Свистокъ парохода подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ.—Сдача рыбы и прижимки со стороны Тоболяковъ.—Зима.—Ѣзда на собакахъ.—Тундра зимой.—Сравнительная таблица температуры въ Обдорскѣ и въ Петербургѣ.—Сѣверныя сіянія.

Жизнь въ Обдорскѣ, идетъ правильнымъ годовымъ кругооборотомъ, определяясь смѣной временъ года. Обзорѣніе этого кругооборота общественной и торговопромышленной жизни Обдорска, всего удобнѣе начать съ Февраля. Кетати будемъ говорить и о климатѣ Обдорска; можетъ быть это и пригодится кому нибудь изъ читателей, которому почему нибудь придется прогуляться въ „тундры Сѣвера“. Пока скажемъ о климатѣ вообще, что въ

ѣды не играютъ въ винтъ, хотя съ картами и они знакомы, но дуются больше въ „дураки“. Одѣта публика по городски: мушоны въ крахмальныхъ сорочкахъ и черныхъ сюртукахъ, дамы въ платьяхъ, чуть-ли не по послѣдней модѣ. Во время моего пребыванія въ Обдорскѣ, появилась мода на дамскія платья съ широкими рукавами и пуфами. Когда я въ первый разъ въ Обдорскѣ увидать такія платья, то подумалъ, — что это — обдорская мода, и былъ очень удивленъ, когда узналъ, что такъ скоро проникло на дальній Сѣверъ послѣднее слово искусства. Въ прежнія времена пышество въ Обдорскѣ, было развито до гомерическихкихъ размѣровъ. Теперь уже не то. Конечно и теперь на вечерахъ напиваются (безъ этого-жъ нельзя), но очень рѣдко бываетъ, чтобъ гости лишились способности самостоятельнаго передвиженія.

XIII.

Обдорская ярмарка. — Внѣшній видъ ярмарки. — Ловля Самоѣдовъ. — Толмачи. — Скупка пушныны на дому у обывателя. — Угощенье. — Преобладаніе торговли въ кредитъ. — Сравненіе съ Сурутской ярмаркой. — Цѣны на пушнину.

Въ началѣ Января открывается въ Обдорскѣ ярмарка и застаютъ жителей въ самомъ разгарѣ святочныхъ удовольствій. Днемъ, Обдорянинъ торгуетъ съ парты «на тундрѣ» среди пестрой толпы наѣхавшихъ Самоѣдовъ, а вечеромъ онъ уже отплясываетъ тренака наряженный чертомъ или фантастическимъ «пазакомъ».

Шумъ Обдорскаго карнавала довольно курьезно сливается съ ярморочной суматохой и бѣготней. Улицы кишатъ Самоѣдами, которые въ своихъ мох-

натыхъ и пестрыхъ «гусяхъ» и «паркахъ» сами-то похожи на маскированныхъ; а тутъ-же среди нихъ подъ вечерокъ пронесется, гремя бубенчиками тройка «дураковъ» или проковыляетъ «чертъ», вдущій верхомъ на метлѣ.

Непривычная для европейскаго глаза, обдорская дѣйствительность сливается съ произведеніями обдорской фантазіи, и удивленный путешественникъ можетъ съ недоумѣніемъ спросить: гдѣ-же тутъ кончается міръ реальный, и начинается міръ фантастическій?

Но скоро конецъ веселью. Послѣ крещенья грѣшно чертей мутить. Маскарадныя костюмы прячутся въ сундуки до слѣдующаго года, и Обдоряне съ жаромъ прикипаютъ за Самоѣдовъ.

Обдорская ярмарка, играющая не послѣднюю роль въ торговлѣ пушниной, вообще въ Россіи, открывается 2-го Января. Къ этому времени связываются Самоѣды съ пушнымъ товаромъ, также отчасти съ мамонтовою костью, моржовыми клыками, тюленьими шкурами и другими болѣе второстепенными предметами. Самоѣды сдаютъ свой товаръ Обдорянамъ, частью за наличныя деньги, частью въ обмѣнъ за товаръ, преимущественно-же въ видѣ отдачи долга сдѣланнаго за годъ и болѣе, передъ данной ярмаркой. Числа 10—15-го приѣзжаютъ въ Обдорскъ тобольскіе купцы или ихъ „довѣренныя“ человекъ 5—6. Сами Тоболяки непосредственно отъ Самоѣдовъ, пушнины не покупаютъ, а берутъ то, что собрано Обдорянами. Исключеніе составляютъ только двое купцовъ: Корниловъ и Бронниковъ, имѣющіе въ Обдорскѣ своихъ постоянныхъ довѣренныхъ, непосредственно ведущихъ дѣла съ инородцами.

Съ пріѣздомъ Тоболяковъ, первый процессъ ярмарки—собираніе пушнины—кончается и начи-

нается второй—сдача товара Тоболякамъ. Числа 20-го кончается ярмарка.

Тоболяки нагружаютъ парты пушниной и обыкновенно по двое, по трое для безопасности вѣдутъ въ далекій обратный путь до Тобольска, а оттуда въ Ирбитъ на ярмарку. Въ концѣ Января туда-же собираются и нѣкоторые обдорскіе купцы, чтобы самимъ продавать товаръ, а главное для того, чтобы насладиться разнаго рода вокально-музыкально-скандальными прелестями большой ярмарки въ культурномъ городѣ. Въ Обдорскѣ на сей послѣдній счетъ совѣтъ, совѣтъ плохо...

Самоѣды, снутившіеся къ Обдорску, останавливаются обыкновенно въ тундрѣ, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ отъ села. Тутъ нѣкоторые изъ нихъ отправляются съ небольшимъ количествомъ пушнины, такъ сказать, на развѣдки, разузнать цѣны на товары. Потомъ уже и остальные начинаютъ наѣзжать въ Обдорскъ со всеми своими товарами.

Обдорская ярмарка расположена въ концѣ одной изъ улицъ, выходящихъ въ тундру. По обѣимъ сторонамъ разбросаны амбары, въ которыхъ Обдоряне производятъ свою торговлю.

Впереди этихъ амбаровъ стоятъ еще по обѣимъ сторонамъ улицы парты, съ которыхъ тоже производится торговля, преимущественно мѣновая. На этихъ партахъ разложены товары, необходимые Самоѣдамъ: кирпичный чай, сукно разныхъ дѣтговъ для лѣтнихъ гусей и для прошивки женской зимней одежды, мѣдныя побрянушки, которыми обшиваются Самоѣдки, пояски, котлы, ножи, топоры, кремни, огнива, ружья, сѣти, щипки, желѣзные листы, на которыхъ разводятся костеръ въ чумѣ, канцаны, разнаго рода деревянная посуда, изготовляемая Зырянами: ложки, чашки всѣхъ вели-

чить. Тутъ-же и Остяки со своими убогими произведениями: тагарами (травяныя цыновки), травяными подетилками, чагой (грибовидныя паросты на деревьяхъ), замороженнымъ жиромъ и морошкой, зимней рыбой, собачьей шкурой и проч. Настоящая торговля происходитъ однако не здѣсь, а по домамъ. Съ партъ-же на ярмаркѣ торгуютъ преимущественно бѣднѣйшіе Обдоряне. Товаръ они берутъ въ кредитъ у обдорскихъ-же купцовъ, которые ставятъ при этомъ цѣны выше лавочныхъ и вообще сильно эксплуатируютъ обдорскую мелкоту.

Въ сущности сами обдорскіе купцы иначе почти и не могутъ поступать, такъ какъ отчасти зависятъ въ свою очередь отъ Тоболяковъ. Мелкіе торговцы такимъ образомъ находятся подъ двойнымъ прессомъ, и съ своей стороны волей-неволей должны падегать на инородцевъ, которые выносятъ уже тяжесть, такъ сказать, тройнаго давленія. Жалко смотрѣть бываетъ на мелкаго русскаго торговца: морозится бѣдный цѣлый день на холоду, («сопли выжимаетъ»), а выручить за день какой-нибудь рубль — два.

Иные за всю ярмарку выручаютъ всего рублей 10—15, да и то рады, что хоть безъ убытку остались; а и это бываетъ, особенно когда «купецъ» при расчетѣ еще возвыситъ цѣны своего товара, не смотря на то, почѣмъ раньше договорился, когда отпуская въ кредитъ.

Съ виду ярмарка имѣетъ очень оживленный и оригинальный видъ. Такого зрѣлища нигдѣ не увидишь. Всюду толкаются неуклюжія фигуры Самоѣдовъ. Въ своихъ мохнатыхъ гусяхъ разукрашенныхъ лоскутьями шкуръ, подбитыхъ цветнымъ сукномъ, они напоминаютъ какихъ-то бѣлыхъ медвѣдей. Особенно оригинальны Самоѣдки: вмѣсто малицы и гуся, онѣ носятъ «ягушки». Ягушка —

шуба подбитая снизу оленьимъ мѣхомъ, а снаружи украшенная собачьей и полосами разноцвѣтнаго сукна, такъ, что внизу по подолу идетъ полоса бѣлой собачины, затѣмъ выше полоса краснаго сукна (вершка 3 шириной), потомъ полоса черной собачины, далѣе желтое сукно.

Ягушка застегивается спереди и обхватывается широкимъ поясомъ, состоящимъ изъ разнаго рода мѣдныхъ колецъ и щитковъ. На животѣ у пояса мѣдная пряжка около $\frac{1}{4}$ арш. въ діаметръ. Но всего замѣчательнѣе огромная шапка въ видѣ капора (фасонъ напоминаетъ киргизскія шапки) съ большими полями изъ собачьяго мѣха, отчего лицо Самоѣдки точно окружено сѣньемъ кругомъ вершковъ на 5. Чтобы такое сооруженіе могло держаться на головѣ, къ нему сзади подвѣшиваются всевозможныя побрякушки, мѣдные круги, колокольчики, бусы — всего фунта 4—5. Все это конечно звенитъ и гремитъ на ходу.

Трудно передать, на что похожа Самоѣдка въ своемъ національномъ костюмѣ: что-то пестрое, яркое, пушистое и мохнатое и вдобавокъ тяжелое и не граціозное. Между неуклюжими Самоѣдами мелькаютъ юркія фигуры Зырянъ въ малицахъ съ бѣлой опушкой вокругъ лица.

Зыряне, какъ «халевы» (чайки) носятъ по всей ярмаркѣ, зорко высматривая товаръ. Лишь только пройдетъ Самоѣдъ съ какой нибудь шкуркой, сейчасъ-же на него набрасывается цѣлая стая Зырянъ и обступаютъ со всѣхъ сторонъ, стараются поскорѣе перекупить. Раньше бывало и такъ: налетитъ Зырянинъ на оторопѣваго Самоѣда, выхватитъ у него изъ рукъ шкурку, а самъ — стрелкача, ищи его потомъ въ толгѣ. Теперь такіе примитивныя приемы уже выводятся.

Такъ какъ значительная часть товаровъ отпу-

скается въ кредитъ, то Обдоряне стараются ловить своихъ должниковъ, а тѣ съ своей стороны стараются утѣчь отъ кредитора, чтобы продать товаръ за деньги, что гораздо выгоднѣе для Самоѣда. Происходитъ настоящая ловля Самоѣдовъ, принимающая подчасъ довольно курьезный характеръ. Для этого служатъ такъ называемые „толмачи“. Толмачъ собственно значитъ, какъ извѣстно, переводчикъ, но не много переводятъ обдорскіе толмачи. Это—скорѣе зазывальщики. Проходя по улицѣ въ той части ея, съ которой видна дорога въ тундру, вы еще задолго до времени открытія ярмарки, увидите гдѣ нибудь на оградѣ кладбища, или на бревнахъ, неподвижно сидящіа человѣчeskія фигуры, пристально смотрящія въ безконечную даль тундры. Это толмачи. Издали они напоминаютъ какихъ-то хищныхъ птицъ. Вѣяны опушки малицы у Зырягъ придаютъ имъ видъ кондоровъ. Вотъ вдаль показывается самоѣдская парта, и скоро угрюмый инородецъ, погоняя хареемъ своихъ оленей, възбѣгаетъ въ село. Въ одну минуту, толмачи срываются со своихъ мѣстъ и, какъ ястребы налетаютъ на добычу, предлагая или тутъ-же продать, или-же болышею частью зазываютъ къ хозяину въ домъ.

Если пройтись нѣсколько разъ по ярмаркѣ, то скоро начинаешь удивляться отсутствію сколько нибудь цѣннаго пушного товара у Самоѣдовъ; видишь преимущественно разныя лапки: лисьи, песцовыя, крестоватиковыя, да изрѣдка промелькнетъ пикурка бѣлаго псаца или оленя. Неужели только и всего привезли Самоѣды? Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что главная, настоящая торговля идетъ не здѣсь на тундрѣ, а по квартирамъ обывателей.

Прѣхавъ въ село, Самоѣдъ направляется къ кому либо изъ Обдорянъ. Здѣсь его гостеприимно

встрѣчаютъ, угощаютъ мерзлой рыбой, оленьей, рыбнымъ жиромъ, и прежде всего водкой. Какого вкуса эта водка, лучше и не говорить. Въ прежнія времена Самоѣдовъ не пускали въ дома, а торговали съ ними на дворѣ; потомъ стали пускать въ кухни. А теперь уже во время ярмарки Самоѣдовъ можно встрѣтить во всѣхъ „залахъ“ и „гостиницахъ“.

Домъ Обдорянина превращается въ маленькую ярмарку: дикіе сыны тундры со своими семействами сидятъ прямо на полу, ѣдятъ, пьютъ и, напившись, начинаютъ пѣть свои безконечныя, дикія пѣсни и кричать.

Послѣ угощенія начинается торговля, бываетъ, что и не начинается, ибо Самоѣды часто ходятъ изъ дома въ домъ, выпиваютъ, ѣдятъ, пьютъ и въ заключеніе—ничего не продаютъ.

Конечно, иногда напившійся Самоѣдъ и парвется и продастъ свой товаръ за безцѣнокъ. Вообще въ этой торговлѣ отношенія между продавцами и покупателями довольно оригинальны. Обдоряне стараются вѣзчески воспользоваться простодушіемъ и пьянствомъ дикарей, а Самоѣды стараются о томъ, чтобы какъ можно болыше съѣсть, выпить, не продавая ничего до времени. Часто Самоѣдъ, который торгуетъ, приводитъ съ собой товарищца, у котораго ничего нѣтъ; но вѣдь и имъ хочется выпить и закусить. Нужно впрочемъ опять повторить, что торговля производится главнымъ образомъ въ кредитъ, и только тутъ она даетъ дѣйствительныя выгоды. Прямо-же на деньги довольно рѣдко удается купить дешево, особенно, если принять во вниманіе расходы на угощеніе и толмачей. Исключительно дешевыя покупки у Самоѣдовъ въ настоящее время довольно рѣдки и во всякомъ случаѣ не характеристичны для положенія дѣла. Кредит-

ный характер торговли (а также и мѣловой) объясняютъ намъ, почему прѣзжающіе на ярмарку Тоболяки, сами непосредственно не скупаютъ пушнину у Самоѣдовъ, а представляютъ это Обдорянамъ.

Кромѣ Обдорска есть еще самоѣдская ярмарка въ Сургутѣ. Судя по статьямъ Г. Некленаева (Самоѣдская ярмарка въ Сургутѣ) въ «Сибирскомъ Листкѣ» за 1893 годъ, между обѣими ярмарками очень много общаго. Разница только въ томъ, что въ Сургутѣ нѣтъ «толмачей» и, что должники тамъ болѣе закабалены: они тамъ точно подѣлены между Сургутянами и почти не смѣютъ отойти къ другому, не заплативши первому постоянному кредитору. Разница эта, вѣроятно, объясняется конкуренціей Зырянъ въ Обдорскѣ *). Зыряне увеличиваютъ собою число скупщиковъ пушнины, набиваютъ цѣны, и такимъ образомъ создаютъ болѣе выгодное положеніе для Самоѣдовъ. У Самоѣда въ Обдорскѣ болѣе соблазна измѣнить своему постоянному кредитору, чѣмъ въ Сургутѣ. Обиліе же покупателей, и притомъ значительное количество зырянскаго пролетаріата, а также и все возрастающаго русскаго объясняютъ, по моему мнѣнію, и появленіе толмачей: при болѣе сильной конкуренціи необходимо употребить и болѣе сильныя средства для привлеченія Самоѣдовъ. Между тѣмъ, въ Сургутѣ, гдѣ постоянно живущихъ скупщиковъ сравнительно меньше, да и къ тому-же—свои люди, одного племени, легче стѣснить инородца, да и особыхъ зазывальщиковъ не требуется; дескать, «куда Самоѣдамъ дѣться? Все равно къ намъ придутъ, ну, а мы лучше подѣлимъ ихъ между собою,

*) На эту благотворную роль Зырянъ, нельзя не обратить вниманія въ виду нѣкоторыхъ предположеній о запрещеніи имъ въѣзда въ Обдорскъ.

да и будемъ каждый своихъ обрабатывать, другъ другу, значитъ не мѣшая». Изъ это слѣдуетъ, что въ Обдорскѣ экономическая жизнь бьетъ болѣе сильнымъ ключемъ, чѣмъ въ Сургутѣ, идетъ интенсивнѣй; а стало быть тутъ болѣе долженъ быть замѣтенъ тотъ экономическій процессъ, который за последнее время все явственнѣе обозначается въ Обдорскомъ край—процессъ концентраціи торгово-промышленной дѣятельности въ рукахъ все меньшаго числа лицъ *).

*) Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пушномъ и другомъ товарѣ и о цѣнахъ на него въ Обдорскѣ:

Песецъ бѣлый (зимній)—2 р.—2 р. 50 к. за шкурку не выдѣланную.

Крестоватикъ (лѣтній песецъ) 70—90 к.—1 р.

(Полный подборъ крестоватика для шубы 40 р.)

Песецъ голубой (очень красивый мѣхъ сѣрошнчатого цвѣта) 10—15—25—30 руб.

Лисица (сиводушка и бѣлодушка) 4—6—8 руб.

Лисица чернобурья 38—40—55 руб., (совсѣмъ черныхъ лисицъ я не видать, тѣ доходятъ и до 100 руб. и даже дороже за шкурку).

Вѣлка сѣрая 18—20 коп.

Горностаи 35—50 коп.

Росомаха 4—6 руб., (плеть между прочимъ въ Обдорскѣ на капоры Самоѣдки).

Бѣлый медвѣдь, хорошая шкура 60—70 руб.

Ральнаго рода оленья шкура, какъ-то:

Оленья постель (выростокъ) 1 р. 50 к.—2 р.

Медлой (олень молодой) 2 р. 50 к.—3 р.—4 р.

Цѣшка (олень сосупъ) черная 1 р. 50 к.—1 р. 85 к.—2 р.

Цѣшка рыжая 50—70 к.

Лебяжья шкура 5—10—15 к.

Шейка гадары $\frac{1}{2}$ —2 к.

Волчонокъ 20—30 к.

Тюлень 3—4 руб.

Цѣны на шкурки мѣняются на каждой ярмаркѣ. Сравнительно прочно стоятъ цѣны на лисицъ. Измѣненія цѣвъ зависятъ частью отъ урожая, частью отъ требованія въ Иркинѣ и за-границей (Лейпцигъ). Приведенныя цѣны—тѣ, по которымъ Обдоряне сдаютъ Тоболякамъ пушнину.

Что касается до того, почему сами Обдоряне берутъ отъ Самоѣдовъ, то это очень трудно свести въ какую-бы то ни было таблицу, такъ какъ все это дѣло случая.

Въ общемъ мнѣ кажется, что при кредитной торговлѣ волучается прибыли въ среднемъ 30—50%. При покупкѣ же на наличныя деньги—въ среднемъ 10—20%.